

В. Г. АДМОНИ

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1

Изучая историю синтаксической системы какого-нибудь индоевропейского языка именно как историю системы, а не как набор отдельных разрозненных синтаксических изменений, исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью учитывать те общие тенденции в развитии синтаксического строя, которые были свойственны индоевропейским языкам на ранних этапах их раздельного существования и которые уходят своими корнями еще дальше, в закономерности развития синтаксической структуры в индоевропейском языке-основе. Не зная того направления, по которому развивался синтаксический строй данного языка в его дописьменный период, нельзя глубоко понять и всего дальнейшего развития синтаксического строя, а тем самым и всей структуры этого языка.

Однако сравнительно-историческое установление не только общих закономерностей развития синтаксической системы индоевропейских языков в древнейшие периоды их существования, но и отдельных синтаксических категорий и явлений того времени представляет огромные трудности. До синтаксических фактов в сравнительно-историческом плане можно добраться в значительной степени лишь окольным путем, через посредство морфологических данных, которые в известной мере в свою очередь производны, а именно устанавливаются на основе данных сравнительной фонологии.

Между тем в трактовке морфологической системы индоевропейского языка-основы существует множество неясностей, и последние десятилетия поставили под вопрос многое из того, что казалось более или менее ясным в начале века. Так, была выдвинута концепция, согласно которой местоимение как морфологическая категория представляет собою не одно из древнейших явлений грамматической системы индоевропейского языка, а сравнительно позднее образование. И все же постановка некоторых общих вопросов развития синтаксического строя представляется в высшей степени актуальной. В частности, особенно важным представляется нам рассмотрение вопроса об общей перестройке структуры простого предложения, происходящей в процессе развития индоевропейских языков от эпохи языковой общности к современному состоянию. Речь идет о развитии тех форм, которые создают структурное единство предложения, о принципах его организации. При этом в стороне будет оставлен, однако, важнейший формальный момент, обеспечивающий единство предложения, — ритмико-интонационные средства — как из-за трудности установления конкретных форм ритмико-интонационного построения предложения в более древние эпохи, так и из-за наличия целого комплекса специфических проблем развития структуры индоевропейского предложения в морфолого-синтаксическом плане.

Указанные выше трудности в сравнительно-историческом исследовании синтаксического строя заставляют с самого начала выдвинуть несколько методических требований.

1. Надо ориентироваться на такие категории и формы морфологического строя, которые с максимальной очевидностью и бесспорностью были свойственны индоевропейскому языку-основе на последнем этапе его существования как некоего единства, и на наиболее очевидные значения и функции этих форм. Очевидность и бесспорность вытекают здесь из точного соответствия значения и функции данной формы во всех индоевропейских языках с допуском лишь отдельных исключений. Так, можно считать установленным, что действительно общими для индоевропейских языков являются категории спрягаемого глагола и именительного падежа независимо от генезиса этих категорий.

2. В качестве общих тенденций развития строя индоевропейских языков, заложенных уже в самой структуре индоевропейского языка-основы, надо рассматривать те явления, которые возникали во всех или по меньшей мере в значительном большинстве древних индоевропейских языков. В связи с этим не столь существенным для раскрытия общих путей синтаксического развития индоевропейских языков оказывается точное разграничение тех категорий и явлений, которые были представлены непосредственно на позднейших этапах развития языка-основы, и тех категорий и явлений, которые оформились уже как общее явление в отдельных языках.

3. Основным объектом анализа — по крайней мере на данном этапе работы над сравнительно-историческим синтаксисом — должно быть выделение общих явлений структурной организации предложения в его соотношении со структурой слова, т. е. установление не столько отдельных частных особенностей сочетаемости и синтаксических функций отдельных морфологических форм, сколько основных закономерностей построения синтаксических единиц языка.

Кроме того, в качестве общих предпосылок при исследовании структуры индоевропейского предложения в его развитии нам кажется целесообразным считаться со следующими закономерностями синтаксического строя, которые реально устанавливаются пока лишь для некоторых отдельных языков, но которые предположительно могут встречаться в более широком объеме.

1. Одним из важнейших факторов развития синтаксических явлений следует признать общие структурно-синтаксические закономерности, складывающиеся в данном языке. При выработке в языке некоторого ряда структурно-однородных способов организации и членения предложения этот ряд в условиях общей перестройки синтаксического строя оказывает давление на другие элементы синтаксического строя, уподобляя их себе в структурном отношении.

2. В качестве принципиально важного материала должны быть учтены и наиболее «крайние» из специфических стилевых систем, складывающихся в некоторых жанрах художественной литературы. Получившая широкое распространение хотя бы в некоторых пластах языка стилевая манера не может быть, как правило, чуждой тем или иным существенным чертам языкового строя, а только выдвигает их на первый план, хотя и доводит иногда до гротеска. Поэтому такие явления, как именной строй предложения в санскритской философской литературе, как усложненная синтаксическая структура (Hyperbaton) древнегреческих писателей классической поры и цитероновской латыни, как полностью подчиненная рамочной структуре проза немецкого литературного языка XVIII в., также могут дать важные показания об определенных тенденциях в развитии синтаксического строя соответствующих языков.

В исследованиях ряда ученых подчеркивается — прямо или косвенно — устойчивость, неизменность общей структуры предложения в индо-

европейских языках. Такова преобладающая точка зрения у представителей младограмматического направления. Чрезвычайно ясное выражение она получила в завершающей работе Бругмана, посвященной синтаксическому строю простого предложения в индоевропейских языках. Подчеркивая различие синтаксических черт в различных стилистических пластах языка, Бругман отмечает, что простое предложение в индоевропейском было уже настолько цельным и полным (*komplex*), что к его структуре мало что прибавилось и в современных языках¹.

Среди концепций, отмечающих принципиальные, качественные сдвиги в развитии общей структуры индоевропейского предложения, можно выделить два направления.

Одно из этих направлений, касаясь, правда, не структуры предложения как таковой, а всего синтаксического строя индоевропейских языков, выдвигает на первый план переход к более удобным и ясным конструкциям, в той или иной мере связывая этот процесс с развитием мышления. Иногда момент соответствия с логическими формами мышления оказывается даже ведущим. Так, один из крупнейших авторитетов в области сравнительно-исторического синтаксиса Я. Вакернагель считает, что в развитии синтаксического строя индоевропейских языков может быть обнаружен определенный прогресс, заключающийся в том, что «более новые формы выражения в целом соответствуют логике в большей степени, чем более старые формы»². Он ссылается здесь в первую очередь на перенос энклитических словечек с позиции после первого слова в предложении на позицию после тех слов, к которым они синтаксически относятся. Это означает, с точки зрения Вакернагеля, преобладание логического принципа соединения слов над чисто ритмическим.

Однако далеко не все факты во всех индоевропейских языках подтверждают это положение Вакернагеля. В сфере порядка слов развитие целого ряда языков ведет к закреплению или даже расширению и росту такой дистантности, которая разрывает тесно связанные между собой в семантико-логическом отношении компоненты предложения. Дистантность представлена даже во французском и английском языках, которые вообще склонны к контактному порядку слов. Чрезвычайно большое развитие получила рамочная структура в немецком языке.

Второе направление, которое можно наметить в области изучения основных путей структурного развития предложения в индоевропейских языках, рассматривает этот процесс, иногда также связывая его с развитием мышления, скорее как усложнение структуры предложения, точнее — как переход к структуре, построенной на качественно более разнообразных связях между словами и более «компактной» (переход от паратаксиста к гипотаксису).

Нам представляется, что в самом общем виде этот путь развития структуры предложения от паратактичности к гипотактичности действительно характеризует индоевропейские языки. Но здесь нужно внести существенные оговорки и уточнения, без чего весь процесс может предстать в ложном свете. Так, слишком прямое понимание паратактичности структуры древнего индоевропейского предложения привело Кнабе к выводу, что в этом предложении не только были ослаблены «единство, централизация и упорядоченность», но и вообще «само сообщение не отделялось четко от деталей, его уточняющих», и что в нем не было развитых средств «отделения главного сообщения от комментариев к нему и подчинения последних первому»³. При такой концепции оказывается, что древнее предло-

¹ Cp. K. Brugmann, *Die Syntax des einfachen Satzes im Indogermanischen*, Berlin — Leipzig, 1925, стр. 4.

² J. Wackernagel, *Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch*, Basel, 1920, стр. 63.

³ Г. С. Кнабе, Еще раз о двух путях развития сложного предложения, ВЯ, 1955, № 1, стр. 109—113.

жение вообще не было сколько-нибудь цельной единицей и как бы расплывалось в развернутой речи. Между тем на самом деле положение здесь значительно сложнее. Вряд ли можно проецировать на одну плоскость все черты предложения, обнаруживаемые в древних индоевропейских языках, и на этом основании объявлять его по сути дела конгломератом равноправных компонентов.

То положение, которое мы застаем даже в наиболее древних известных нам памятниках индоевропейских языков, имеет уже отнюдь не первичный характер. Подлинная и как бы «сплошная» паратактичность вообще может быть установлена лишь гипотетически и по отношению к очень далеким общиндоевропейским этапам развития структуры предложения. Но уже в период, предшествовавший расхождению индоевропейских языков, «чистой» паратактичности в структуре предложения не было. Об этом свидетельствует хотя бы наличие в хеттском языке родительного падежа, этимологически совпадающего с индоевропейским и применяющегося в аналогичной другим индоевропейским языкам приименной функции, т. е. функции определения. Ведь если вообще само по себе наличие целого ряда падежей в индоевропейском уже говорит о формальной дифференциации имен с точки зрения их функций в предложении, то наличие определительного родительного падежа особенно важно, поскольку он явно выражает синтаксическую зависимость одного имени от другого. Таким образом, уже внутри общиндоевропейского языка совершается переход к гипотактическому строю предложения, и с того времени вплоть до современности индоевропейские языки характеризуются сочетанием паратактических и гипотактических черт.

Что касается чисто паратактического периода в развитии индоевропейского предложения, то существование такого периода в принципе допустимо. Однако здесь речь может идти лишь о древнейших эпохах, весьма далеко отстоящих от эпохи разделения индоевропейских языков, причем у нас слишком мало данных, чтобы мы могли сколько-нибудь яственно представить себе конкретную синтаксическую структуру такого индоевропейского предложения.

3

В пользу «несобранности», паратактичности индоевропейского предложения выдвигаются три важнейших аргумента. Во-первых, отсутствие согласования и управления и решающая роль примыкания (основной аргумент А. Мейе). Во-вторых, отсутствие ясных границ между предикативными и непредикативными формами. Этот момент в наибольшей мере подчеркивался А. А. Потебней. В-третьих, наличие формального параллелизма в словосочетаниях, выражающих понятия, логически непараллельные. Этот момент отмечается в той или иной мере целым рядом языковедов. Особенно углубленно он был рассмотрен (преимущественно на германском материале) С. Д. Кацнельсоном⁴.

Рассмотрим все эти аргументы по порядку.

1. Пусть действительно в древних индоевропейских языках нет управления и согласования в том смысле, в котором они характерны для более новых этапов развития этих языков, т. е. пусть форма слов, несмотря на наличие флексии, не показывает зависимости одного слова от другого, а выражает лишь грамматический смысл данной формы. Все же известное структурно-синтаксическое различие между членами предложения здесь оказывается неизбежным, а именно — различие между формами, которые сами по себе или в своем сочетании способны образовывать законченные предложения, и формами, которые сами по себе недостаточны для оформ-

⁴ С. Д. Кацнельсон, Историко-грамматические исследования, ч. I, М — Л., 1949.

ления предложения. Так, спрягаемый глагол, возможно, на каком-то этапе развития действительно был абсолютен, т. е. предикативно был совершенно достаточен сам по себе⁵, не нуждался ни в дополнении, ни в предикативе, ни даже в подлежащем и не обладал, таким образом, никакой обязательной сочетаемостью⁶. Возможно также, что именительный падеж, как, впрочем, и в современных языках, в ряде функций (особенно в бытийном употреблении) также лишен обязательной сочетаемости и не нуждается ни в каких дополнительных словах, чтобы образовать законченное предложение. Но все остальные формы слов все же сами по себе, без специфической поддержки ситуации и контекста, законченных предложений образовать не могут, а должны опереться на другое слово или на сочетание слов, которые в состоянии это сделать. Все косвенные падежи, наречия, все формы прилагательного обладают обязательной сочетаемостью, но только односторонней, т. е. направленной от них к предикативно достаточным словам, при отсутствии обратной направленности.

Таким образом, и в индоевропейском предложении на основе различия между формами, достаточными и недостаточными для образования предложения, существовало тяготение одних форм к другим, что и объединяло их вокруг определенного центра, т. е. придавало предложению определенную цельность. Это была, конечно, иная цельность, чем, например, в таких современных языках, как немецкий или французский, но все же это была определенная и подлинная цельность, определенное единство. Его можно было бы охарактеризовать как некое «спокойное» единство, держащееся на одностороннем тяготении второстепенных членов предложения к необходимому, в отличие от того «напряженного» единства, которое возникает там, где сами необходимые члены предложения оказываются устремленными к второстепенным членам, не обладая синтаксической абсолютностью (превращение полноценного глагола в связочный, нуждающийся в предикативе, выработка подлинной транзитивности глагола).

2. Вторым из признаков древнего индоевропейского предложения, резко отличающих его от предложения в более новых языках, является, по словам Кнабе, опирающегося в этом отношении на высказывания Поттебни, «отсутствие четкого формального разграничения предикативных и аппозитивных отношений»⁷.

Практически возможность смешения предикативных и непредикативных форм сводится в основном к следующим случаям: а) смешение независимого и зависимого именительного, а также смешение предикатива и обособленного определения (приложения) в именительном падеже; б) функционирование отглагольных имен, и особенно причастия, в качестве предикативных членов предложения, параллельных спрягаемому глаголу. Однако оба эти момента на самом деле при ближайшем рассмотрении не противоречат «спокойной» структурной цельности индоевропейского предложения.

а) Употребление именительного падежа в его бытийном и назывном значении как формы, образующей самостоятельное предложение, ничем не отличается в принципе от аналогичного употребления именительного падежа в современных языках. Ср., например, подобные образования у Цицерона *clamor senatus, querellae, preces, socer ad pedes abiectus* (Pro Sest., 34, 74) «шум в сенате, жалобы, мольбы, припадающий к стопам тень»⁸. Наличие подобного именительного, а также различные случаи

⁵ Впрочем во всех реально зафиксированных индоевропейских языках, даже в древнейших памятниках, глагол обнаруживает те или иные черты связочности или даже вспомогательности, которые составляют одно из важнейших проявлений потери глаголом автономности.

⁶ Ср. В. Г. Адмони, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ. 1958, № 1, стр. 111 и сл.]

⁷ Г. С. Кнабе, указ. соч., стр. 110.

⁸ Пример взят из кн.: E. Löfstedt, Syntactica, Bd. I, Lund, 1928, стр. 75—76. Ср. W. Haver s, Zur Syntax des Nominativs, «Glotta», Bd. XVI, 1928.

абсолютного именительного ни в какой мере не противоречат структурному единству других типов предложения в рассматриваемую эпоху.

Употребление в глагольном предложении именительного падежа в значении, колеблющемся между предикативностью и аппозитивностью, весьма существенное с точки зрения познавательной установки говорящего и актуального членения предложения, не могло нарушить структурную цельность предложения так же, как, например, не препятствует сохранению структурной цельности предложения в современном немецком языке колеблющийся синтаксический характер краткой, формы *sorglos* в предложении *Sie erwachte sorglos*.

Употребление в качестве сказуемого именительного падежа в безглагольных двусоставных предложениях также отнюдь не исключает структурной организованности предложения, может быть, даже большей, чем в глагольном предложении, так как здесь обязательно структурной осью предложения оказываются два прочно соотносенных друг с другом именных компонента. Интонация, порядок слов и общий контекст предложения достаточно четко оформляют здесь предложение, вероятно, отличающееся и семантически от предложения связочного⁹.

б) Особенно большое внимание исследователей, начиная с основополагающих работ Потебни, привлекало неразличение предикативности и аппозитивности у древнего причастия. В качестве яркого примера такого смещения предикативной функции причастия Потебня приводит случаи, когда спрягаемый глагол и причастие соединены сочинительным союзом типа *И въставъ Иаковъ отъ сна, и рече*¹⁰. Со структурной точки зрения Потебня видит в этой конструкции проявление большей «распущенности», чем в современном языке, и связывает это с наличием в предложении двух «почти равносильных» центров. Но момент такой «распущенности» здесь действительно присутствует только в том случае, если причастие как раз не воспринимается как предикативно равноправное глаголу, т. е. если оно уже является второстепенным членом предложения — предикативным определением. Если же оно само полностью предикативно, то в соответствующих конструкциях имеет место простой параллелизм однородных членов (сказуемых), никак не затрагивающий в своей основе принцип единства предложения. Таким образом, получается, что развитие идет здесь от более четкой организации предложения к более «распущенной» с тем, чтобы впоследствии перейти опять к более собранной и цельной структуре, что по сути дела резко противоречит критикуемой нами общей схеме развития предложения: от отсутствия единства к единству. Кроме того, к причастиям в именительном падеже, играющим роль не простого определения к имени, а предикативно окрашенного, относится то, что было выше сказано о предложениях с предикативным именительным падежом.

3. Формальный параллелизм в словосочетаниях, которые выражают связь логически непараллельных понятий (паратаксис в словосочетаниях), в частности, постановка в одном падеже (т. е. в согласующейся форме) слов, выражающих такие разноплановые в логическом отношении понятия, как, например, часть и целое, придает, по мнению ряда исследователей, логически не дифференцированный и структурно не расчлененный характер древнему предложению. Речь идет об известных примерах типа *область ведром водою, к чану зелена вина* и т. п.¹¹. Однако повторение падежей, например творительного падежа (*ведром водою*), отнюдь не означает полного отсутствия здесь синтаксических связей и тем самым синтаксической организованности. Каждый второй (или третий и т. д.) падеж,

⁹ Ср. Е. Вевенисте, *La phrase nominale*, BSLP, t. XLVI, fasc. 1, 1950.

¹⁰ Ср. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, 3-е изд., М., 1958, стр. 912.

¹¹ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III, Харьков, 1899, стр. 278 и сл.

если он не относится к первому как аппозиции, вступает в те же синтаксические отношения, что и первый. Соответствующие формы приобретают характер однородных членов. Если это косвенные падежи, то они оказываются параллельными дополнениями и т. п.

Конечно, при оформлении подобных сочетаний как однородных или аппозитивных их логическая разнородность и особая смысловая связь между ними остаются формально не выявленными. Но формальная невыявленность не означает здесь структурной рыхлости. Это подтверждается возникновением более или менее аналогичных сочетаний в языках, характеризующихся значительной структурной спаянностью предложения и синтаксических групп (ср. нем. *zwei Fädchen geronnenes Blut*). Появление подобных конструкций в современных языках важно еще тем, что этим демонстрируется необязательность суммарного объяснения паратактической структуры группы существительного закономерностями архаического мышления. Здесь могут действовать и чисто структурные факторы.

4

В противоположность точке зрения, рассматривавшей развитие индоевропейского предложения как переход от отсутствия цельности к цельности, мы считаем, таким образом, возможным утверждать, что это развитие представляет собой переход от одного типа цельности к другому типу, от одной формы организации предложения к другой. На базе наличия спрягаемого глагола и полнозначных падежей, т. е. синтаксически выразительных морфологических форм, индоевропейское предложение в тот период своего развития, когда сложились эти морфологические средства, представляло собой единство, поддерживаемое самими этими формами и не нуждающееся для своего существования в дополнительных структурных средствах. Это — спокойное, ненапряженное единство.

Морфологические формы, образующие это предложение, синтаксически неравноценны, т. е. в конечном счете оформляют либо необходимые, либо второстепенные члены предложения, которые обладают обязательной сочетаемостью, направленной к необходимому члену предложения. Но спокойный, ненапряженный характер цельности предложения здесь преобладает.

Для дальнейшего развития структуры индоевропейского предложения огромное значение имеет ряд факторов. Те способы, которыми обеспечивалось единство предложения в его древней модели, действовали в полную силу при сравнительно ограниченном составе предложения. Если же количество второстепенных членов увеличивалось, причем появлялись второстепенные члены, примыкавшие к другим второстепенным членам и т. п., то структурная целостность предложения, основанного на примыкании к одному центру, оказывалась под угрозой. При значительном раздвижении границ предложения, когда оно строилось уже не столько как веер, сколько как вытянутая линия, связь и взаимодействие его отдельных компонентов не получали уже ясного выражения. А, как справедливо указывает Мейе, «число элементов, которые могут заключаться в предложении, не ограничено»¹². Конечно, здесь, как и по всем другим линиям, невозможно провести какую-нибудь четкую грань между различными этапами в развитии предложения. Но актуальность развернутого, многочленного строя предложения, частотность соответствующих случаев, несомненно, является иной для различных этапов языкового развития.

Другим важным фактором, повлиявшим на развитие структуры индоевропейского предложения, были сдвиги в структуре индоевропейского

¹² А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 359.

слова. В развитии структуры индоевропейского слова был ряд этапов, характеризующихся различными тенденциями. Но в течение длительного периода, в частности, захватывающего и эпоху «спокойной», «ненапряженной» структуры предложения, основная тенденция в развитии структуры слова заключалась в обрастании корневого элемента детерминативами, аффиксами и флексией. Особенно значительным такое усложнение состава слова, возможно, в большой мере уже в пределах отдельных индоевропейских языков, было в структуре глагола, причем целый ряд формантов сравнительно более позднего происхождения вычленился из формы слова очень четко. Такое раздвигание границ слова создавало, однако, вопреки особым законам конца слов в индоевропейском языке, определенную угрозу его цельности, особенно учитывая преобладание музыкального ударения и значительную фонетическую связанность слов в предложении (сандхи). Средством преодоления такой угрозы явилось усиление внутренней связанности, монолитности слова. Это нашло свое выражение прежде всего в выдвигании на передний план силового начала в ударении, что в той или иной мере коснулось — правда, в различные периоды — едва ли не всех индоевропейских языков.

Естественно, что эти процессы не могли не оказать влияния и на структуру предложения. Ненапряженному, спокойно текущему слову, стоящему под знаком музыкального ударения, вполне соответствовала спокойная, ненапряженная структура индоевропейского предложения. Превращение слова в более напряженное, резко очерченное единство вступало в известное противоречие с этой структурой предложения, могло создать предпосылки для появления и здесь более напряженных, структурно монолитных форм. Но еще и с другой стороны развитие структуры слова оказывалось существенным для развития структуры предложения. Как известно, усиление одного, господствующего, слога означало большее или меньшее ослабление других слогов, результатом чего в ряде случаев являлась редукция, и притом, как правило, редукция служебных слогов, особенно флексии. Морфологические формы становятся, таким образом, грамматически менее выразительными. Они частично смешиваются, их синтаксическое значение становится менее определенным. Ответом на это, естественно, должна была быть такая система организации предложения, которая позволяла бы чисто синтаксическими средствами выявить синтаксическую функцию отдельных слов в предложении, что в свою очередь вело к большей структурной закреплённости и строгости организации предложения. В разных индоевропейских языках эти факторы действуют в разное время и с разной силой. Однако, как нам кажется, здесь можно все же установить две основные линии, по которым идет перестройка структуры предложения в индоевропейских языках.

1. Одна линия характеризуется тем, что развертывание предложения совершается в значительной мере на основе тех средств, которые были свойственны эпохе ненапряженного единства предложения. Слово в основном здесь еще остается автономным, а отношения между словами — в значительной мере односторонними, т. е. формы, играющие роль второстепенных членов предложения, обладают обязательной сочетаемостью по отношению к формам, играющим роль необходимых членов предложения, но последние синтаксически достаточны и сами по себе. Синтаксическая роль слова еще ясно выражена в самой его форме или с легкостью выясняется на основе контекста. Важнейшей опорой для построения предложения служит морфологическая форма слова, которая или вообще синтаксически однозначна или с легкостью уточняется из соотношения с другими формами.

Именно на этой базе, в частности на основе четкого значения морфологических форм, и создаются новые способы организации предложения и новые средства расширения его объема. Так, преобладание в абсолютных причастных оборотах конструкций, построенных на косвенных падежах

(родительный в греческом, аблатив в латинском, дательный в славянских и германских языках, местный и родительный в древнеиндийском), объясняется тем, что косвенный падеж, противопоставляясь именительному, четко выражал зависимый характер всей конструкции в целом, ориентировал ее на основное предложение как на ее необходимую опору. Абсолютные причастные конструкции в косвенных падежах выступают, таким образом, не как типичные черты старого паратактического строя предложения, а как проявление более новой структуры индоевропейского предложения, позволяющее раздвигать его границы и обеспечивающее вместе с тем грамматическую связь его частей. Сравнительная новизна абсолютных причастных оборотов подтверждается различием и этимологической несводимостью друг к другу косвенных падежей, выступающих в них.

Существенным средством организации такого «автономно-собранного» предложения становится также порядок слов. При многочленном строении предложения и при значительной грамматической выразительности каждой отдельной формы слова возникает возможность дистантного порядка слов, приводящая к сложным сплетениям компонентов предложения. В частности, самый необходимый в структурном отношении компонент предложения — спрягаемый глагол — может быть поставлен в конце предложения, создавая тем самым одностороннюю (однако не обязательную) рамку предложения. Такая конечная позиция глагола является, может быть, продолжением более древних традиций в организации индоевропейского предложения, но ее структурное значение становится особенно существенным при значительном раздвижении его рамок. Такое рамочное построение предложения, сохраняющего в основном автономность отдельного слова, характерно, например, для латинского и санскрита.

2. Другая линия в развитии «напряженной» структуры предложения состоит в ее радикальной переработке, а именно — в превращении ее в «напряженно-собранную» структуру при потере словом в значительной мере его автономности. Это проявляется в широком распространении обязательной сочетаемости у глагола и вообще у ведущих членов в предложении и словосочетании (в первую очередь становление подлинно связочных и вспомогательных глаголов, что ведет и к созданию описательных глагольных форм), а также в четком размежевании основных синтаксических групп (группы существительного и группы глагола) в отношении входящих в эти группы форм и общих принципов организации группы¹³. Автономность слова при этом резко ограничивается.

Особенно резко эти тенденции сказываются в языках, которые характеризуются значительной редукцией флексии. Здесь «напряженность» структуры предложения усиливается фиксированным (в ряде случаев контактным) порядком слов, который в значительной мере берет на себя задачу выражения синтаксической функции слова, а отдельное слово в максимальной степени закрепляется внутри предложения или словосочетания.

С другой стороны, разительным примером сочетания сравнительно развитой флексии с «напряженно-собранной» системой построения предложения является современный немецкий язык (монофлексия).

Существенной чертой в развитии языков с «напряженной» структурой предложения является тенденция к тому, чтобы центральной, организующей осью предложения был уже не один спрягаемый глагол, а какое-нибудь более сложное образование. Во многих языках такой осью становится сочетание номинативного подлежащего с глагольным сказуемым (очень явственно этот принцип проявляется в английском языке); с другой стороны, осто́в предложения может образовываться глагольно-сказуемой группой (немецкий язык).

¹³ Ср. В. Г. Адмони, О некоторых закономерностях развития синтаксического строя, «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», V, 1953, стр. 36 и сл.

Существенным вопросом является соотношение обеих линий развития в структуре предложения. Уже из сказанного видно, что элементы обеих структур могут сочетаться в одном и том же языке. Абсолютно чистых языковых структур и в плане противопоставления «автономно-собранного» и «напряженного» строя предложения не существует. Речь может идти лишь о преобладании, которое качественно окрашивает весь строй соответствующего языка. Легко может создаться впечатление, что различие между исследуемыми структурами в значительной мере сводится к временной последовательности, что «автономно-собранная» структура предложения сменяет ненапряженную, «спокойную» структуру и сама в свою очередь сменяется структурой напряженной. Пример романских языков, которые пришли к современной «напряженной» (однако в разной степени) структуре, исходя из «автономно-собранной» структуры латинского языка, как будто подтверждает такую точку зрения. Но на самом деле это не так. «Напряженная» и «автономно-собранная» структуры — это две параллельные тенденции в развитии индоевропейских языков, частично даже переплетающиеся друг с другом.

Черты каждой из этих структур могут оказаться победителями в той борьбе, которая между ними происходит, и могут занять преобладающее положение в системе языка. Развитие русского языка дает яркий пример того, как после длительного периода нарастания элементов подчеркнута «напряженного» строя предложения (уменьшение синтаксической автономности слова, в частности глагола, создание описательных глагольных форм), снова широко развивается иная структура, характеризующаяся широкой синтаксической автономностью слова, тенденцией к использованию синтаксической значимости падежей (правда, с учетом грамматического контекста) для оформления структуры предложения (твор. пад. в качестве предикатива) и т. д. Показательно, что некоторые описательные формы глагола в русском языке исчезают (превращение сочетаний глагола *быть* плюс причастие на -л в особую форму простого прошедшего). Показательно также, что двусоставность в русском языке в ряде типов предложений ограничена и что структурной осью предложения часто служит лишь глагол или особое предикативное слово (категория состояния).

Конечно, моменты «напряженности» в построении предложения есть и в современном русском языке, и его строй в целом отнюдь не совпадает с теми примерами языков «автономно-собранной» структуры предложения, которые нам известны из древности. Собранность русского предложения несравненно большая, чем это имело место там. В этой связи характерно, что современный русский язык не знает абсолютных причастных конструкций в косвенных падежах, а обладает деепричастием, четко показывающим отношение сопутствующего процесса к основному, и развернутой системой подчинительных и сочинительных союзов. Но общий принцип построения русского предложения все же характеризуется такой свободой и гибкостью и такой автономностью слова, которая прямо противостоит, например, «напряженной» структуре немецкого предложения.

«Напряженная» и «автономно-собранная» структуры предложения — это не два этапа, а именно две линии развития, две основные тенденции, в которых идет преобразование строя индоевропейских языков, причем в каждом из этих языков они проявляются в различное время с различной силой и находятся в различном сочетании друг с другом в зависимости от множества предпосылок и факторов, которые действуют в этих языках¹⁴.

¹⁴ Развитию «напряженной» структуры благоприятствуют, например, такие сдвиги, как резкое изменение в системе ударения (германские языки, кельтские языки), как значительная редукция флексии (французский язык, персидский язык). Там, где эти сдвиги отсутствовали или проявлялись слабее, преобладает «автономно-собранная» структура.